

Ветер, дувший со стороны зеленого моря деревьев, приносил чистую свежесть. Цин Шу сидел у окна; безбрежный вид за ним казался сошедшим со страниц сказки. Ощущение было такое, будто он плывет на ладье-месяце — ветры несут её всё дальше, а протяни руку, и пальцы коснутся звезд.

Разумеется, это была лишь иллюзия, рожденная тоской по тому, чего Цин Шу никогда не довелось испытать. Глядя на накатывающие из-за горизонта зеленые волны, над которыми то и дело пролетали тёмные силуэты, он не удержался и обернулся к Великому Змею:

— Я-то думал, внизу бескрайний лес, а там, оказывается, кипит жизнь.

— В мире нет ничего невозможного. Это же сон, а сон по сути своей — проекция твоего духовного мира. Фантазируй сколько влезет! Захочешь — и Нефритовый император Юй-ди верхом на священном журавле помчится к Зевсу смотреть стриптиз.

«Ну уж нет... Ты обо мне слишком высокого мнения. До такого мой разум точно не додумается».

После этой шутки напряжение окончательно спало. Глядя на однообразный пейзаж за окном, Цин Шу решил расспросить собеседника о его прошлом:

— Ваша... «организация»... Чем вы вообще занимаетесь?

— И как тебе объяснить? — Змей фыркнул. — Чем занимаемся? Да ничем! Нам отродясь никаких поручений не давали. Мы целыми днями только и делаем, что дремлем да вставляем палки в колеса этой самой Сяньюй, чтобы жизнь ей медом не казалась. Давай-ка лучше объясню на примере твоего мира. Скажи, ты, как обычный человек, заметил, что с этим миром уже давно что-то не так?

Цин Шу восторженно слушал. Люди всегда жадно слушают то, что касается их собственной судьбы, будь то весть дурная или благая. Затаив дыхание, он не стал перебивать Змея, давая тому высказаться.

— Представь гипотетическую ситуацию, — Змей старался излагать мысли как можно проще, приспособившись к человеческому восприятию. — Допустим, когда создавался этот «мир», в его базовые правила заложили установку: «Никакой чертовщины, никакой мистики и сверхъестественных сил». Но шло время, и на кладбище вылез первый призрак. Реальность вошла в противоречие с «настройками». С точки зрения мироздания это логический баг. И тут есть два пути: либо уничтожить призрака, либо переписать правила. Человек, будь ты на месте мира, как бы поступил?

Цин Шу ненадолго задумался, тщательно подбирая слова:

— Сперва я бы выяснил причину появления призрака. Нужно понять, можно ли пресечь это в корне. А если искоренить причину не выходит, пришлось бы скорректировать правила с учетом новых обстоятельств.

— Логично и правильно. Хотя на деле всё куда сложнее. Но вот досада: «мир» пошел иным путем. Он решил просто избавиться от того призрака. Но на место одного уничтоженного духа поднялись тысячи других. Поняв, что истребить их до конца не выйдет, «мир» сдался и внёс правку в правила, официально разрешив привидениям существовать. А мы оба знаем: патчи хороши в меру. Когда налагаются друг на друга «рабочие» и «кривые» заплатки, в самых неожиданных местах вылезают новые проблемы и куда более тяжелые баги... Ты ведь программист, должен понимать это лучше меня.

Цин Шу угрюмо кивнул. Подобная картина даже на слух выглядела скверно.

Он понял, к чему клонит собеседник:

— Выходит, в фундаменте этого мира кроется критическая логическая ошибка. Все последующие заплатки слеплены на скорую руку, отчего возникают новые бреши... — Цин Шу сделал паузу. — Из-за этих «дыр» наш мир стал похож на дырявый швейцарский сыр. И именно через такую дыру ты так легко сюда и проник.

— Моё появление для мироздания — так, мелкий эпизод. Считаю, я просто приехал поглазеть на достопримечательности. У нас с этим миром нет ни конфликта интересов, ни вражды. Во всяком случае, пока.

Змей подогнул одну ногу, поставил босую стопу на подоконник и уперся в колено подбородком.

Ветер трепал угольно-черные пряди, открывая безупречный, изысканный профиль. В его облике сквозила дерзкая, откровенная гордыня:

— Хех, эта глупая система даже не поняла, кто я такой! Впрочем, ее можно понять: помимо меня сюда пролезли штучки поопаснее. Ей сейчас явно не до меня.

Цин Шу с живописным любопытством подался вперед:

— И что же еще сюда проникло?

Змей повернул голову, одарив человека лукавым, злорадным взглядом:

— Ты ведь видел бабенку, которая приперлась сегодня ночью? Я уловил от нее знакомый чесночный душок.

— Душок? — Цин Шу наострил уши.

— Душок штуковины под названием «Система». Они обычно принимают вид игровых данжей: насильно затягивают людей, сулят деньги, положение, жизнь — да всё, что душе угодно. А взамен стравливают их между собой, заставляя убивать друг друга. Победители карабкаются выше, проходят уровни посложнее и получают награды получше. Слышал о таком, человек?

Цин Шу кивнул:

— В романах читал.

— Суть у этой дряни та же, что и у заправского капиталиста-эксплуататора, — продолжил Змей. — Стоит тебе затребовать слишком высокую плату, из-за которой хозяин лишится прибыли, как тебя безжалостно выбросят на помойку. В реальности после такого ты просто останешься без работы и пойдешь искать новую, а в игре всё куда жестче... Я, конечно, не говорю, что абсолютно все «системы» такие. Я лишь про тех жадин, что никак не нажрут.

Заметив, как топорно Змей попытался сгладить углы в конце, Цин Шу сделал вид, будто ничего не заметил. Сопоставив слова спутника с его прошлыми рассказами, он тихо проговорил:

— Значит, мир, где ты родился, по своей структуре ближе к системе «бесконечного цикла»? Но, судя по всему, твой родной мир куда совершеннее и не так бесчеловечен...

Змей бросил на него одобрительный взгляд, но тут же недовольно сощурился:

— Человек, не суди об опасности по обертке.

Цин Шу смиренно кивнул, принимая укор. Глупость этого Змея проявлялась лишь в незнании людских обычаев; в той же сфере, где он был хозяином, этот гигантский змей оставался опасным и коварным темным созданием.

— Эх, доживу ли я вообще до дня, когда эта Сяньюй займется делом? — донесся до уха Цин Шу тоскливый шепот.

Немного подумав, Цин Шу спросил:

— А у её беспечности есть какая-то особая причина?

— У Нее? — Змей презрительно фыркнул. — Какая там причина... У Нее просто заскок на почве перфекционизма! Ей обязательно нужно прорисовать каждый мир, каждую карту, каждого NPC, каждого прохожего статиста! Мало того, Она еще умудрилась умотать на стажировку к другим системам — посмотреть, как те настраивают сложность данжей... Больная на всю

голову!

Выплеснув гнев, Змей подсознательно косился на небо. Вспомнив, что теперь он свободен, Змей окончательно сбросил спесь и с охотой принялся изливать душу:

— Человек, ты представь масштаб бедствия! Это всё равно что рядом с твоим домом построили грандиозный парк развлечений. Там и самые зубодробительные американские горки, и самое высокое колесо обозрения, и живые карусели — словом, куча аттракционов! И вот строят его годами, а ворота всё закрыты. Ты идешь к директору, а Тот заявляет, что сперва нужно набрать ответственный персонал. Набрал персонал — и уехал учиться управлению. Вернулся с курсов — и объявляет, что парку нужен фирменный ресторан. Открыл ресторан — теперь подавай ему шеф-повара... Вот скажи мне, человек, ты бы на моем месте не взбесился?

Цин Шу про себя подумал: «А мне-то с чего беситься?»

Парк не работает — убытки терпит хозяин.

Деньги в твоем кармане целее будут.

Однако, встретившись с ищущим поддержки взглядом Змея, Цин Шу без колебаний выдал единственный правильный ответ:

— Взбесился бы.

— Вот! Даже ты бы взбесился, а уж я и подавно! Мою суть можно сравнить с теми самыми горками — самыми дикими и захватывающими во всем парке. С самого момента создания я торчу тут без дела. У меня уже кости от неподвижности кальцинировались!

«Ясно. Финальный босс наивысшего уровня в бесконечном данже», — мгновенно сформировал образ Цин Шу.

И слова Змея о том, что «нельзя судить об опасности по обертке», обрели для него куда более глубокий смысл.

Из-за ошибки в базовой логике собственный мир Цин Шу трещал по швам, задыхаясь от непрерывных латок. Создавшая же Змея «система» мало того что со спокойной душой оставила целое логово жутких тварей без присмотра, удрав на учебу, так еще и заставила самого Змея — при всей его силище — искренне себя опасаться.

Вещи, не выставяющие силу показушно, часто таят в себе колоссальную угрозу. Они подобны обманчиво тихому морю, скрывающему гибельные омуты, или бездонной пропасти, затаившейся в молчаливом ущелье. Сама эта неисчерпаемая мощь служит лучшим устрашением.

— Человек, всё, что ты хотел знать, я выложил. Теперь твоя очередь: как тебе удалось вырваться из «оков правил» и вернуть контроль над собственным сном?

Настал черед Змея сгорать от любопытства.

Цин Шу на мгновение затих. Он отвёл взгляд, словно собираясь с мыслями, а когда снова посмотрел на Змея, на его губах играла светлая улыбка:

— Мне никто не объяснял подоплеку. Вся эта история — лишь мои догадки, да и дело прошлое, довольно путанное... Ты точно хочешь слушать?

— Конечно! Равноценный обмен, понял? Не думай, что тебе удастся выехать за мой счет, человек.

Змей только и ждал, когда тот разговорится. Он даже был не против послушать, сколько раз Цин Шу в детстве прудил в штаны — времени у него хватало, а байки отлично скрашивали досуг.

Рука Цин Шу, сама того не замечая, снова опустилась на змеиный хвост, обвивавший талию, и невольно принялась поглаживать прохладные чешуйки. Он чуть припустил веки, всматриваясь куда-то в пустоту:

— Жила-была семья по фамилии Цин. Предок их, говорят, был искусным небесным мастером — изгонял бесов, истреблял нечисть, и ремесло это передавалось из поколения в поколение. Пока не пришел...

Цин Шу запнулся, подсчитывая:

— Если по старшинству, то мой прадедущка Цин. Он высчитал, что если сородичи и дальше будут промышлять даосскими техниками, на род обрушится страшная беда. И единственный способ сохранить хотя бы ниточку жизни — раз и навсегда завязать с прошлым. Поначалу ему никто не поверил. Все решили, что старик выжил из ума и ошибся в гадании. Но прадедущка Цин проявил небывалую жесткость: сжёг все древние фолианты, разбил ритуальные сосуды, распродал обширные поместья, а вырученное где раздал, где пожертвовал. В итоге он забрал всю семью, вернулся в родную деревню, накупил земли и стал обычным крестьянином — выращивал рис да кормил свиней.

— Сперва родные думали, что он окончательно сбрендил. Втайне они пытались возродить былые знания. Но прадедущка Цин следил за этим намертво: стоило кому-то заикнуться о магии, как он приносился к родителю с бранью и побоями. Со временем дурная слава о семействе разнеслась вокруг: люди с бедами стали обращаться к другим знахарям, а про род Цин забыли.

— И что потом? — Змей слушал с нескрываемым смаком. — Наверняка случилась какая-нибудь скверна!

Цин Шу проигнорировал выпад и, продолжая обнимать змеиный хвост, поведал дальше:

— Когда прадедущка Цин умер, прямая ветвь учения мастеров Цин окончательно пресеклась. Время шло, и младшее поколение, выросшее под жестоким гнетом старика, разбрелось по свету. Кто-то стал учителем, кто-то — служащим в конторе, кто-то открыл лавку. Жизнь вошла в мирное русло. Но прадедущку Цин всё равно поминали недобрым словом: за праздничным столом родственники обязательно перемывали ему косточки.

— И как же его обзывали? — Змей, верный своему ремеслу срывать покров серьезности, задумчиво почесал подбородок: — Небось проклинали как старого маразматика?

Цин Шу с кроткой беспомощностью вздохнул и взъерошил мягкие, словно шелковые, прохладные волосы на макушке Змея:

— Раз ругали, значит, ласковых слов там точно не было.

— Ладно, рассказывай дальше, только не отвлекайся на поглаживания! — поторопил его Змей.

Цин Шу слегка кивнул:

— В роду Цин остался лишь мой... дедушка, который ещё помнил пару простых заклинаний. Порой он гадал соседям, правил фэншуй да зарабатывал мелкие медяки на табак и вино. Он ведь застал былую роскошь: еще мальчишкой прадедущка Цин таскал его за собой и усердно обучал. А потом случился тот перелом. Былая слава, завистливые взгляды окружения, да соседская девчушка с нежным взором — всё в один миг обратилось в прах. Не знаю, из-за деспотичного ли нрава прадедущки Цин, но дедушка Цин вырос человеком мягкотелым и беспринципным. Перед смертью он признался, что самым дерзким поступком в его жизни был тайник: за спиной прадедущки Цин он закопал сундук с манускриптами. Дедушка Цин сам не знал, зачем сделал это — быть может, просто хотел зарыть в землю свою растоптанную мечту, оставив доказательство, что она существовала.

Цин Шу скопировал прежнюю интонацию Змея и спросил:

— Веришь ты в его исповедь?

Змей насупился. Похоже, атмосфера рассказа становилась слишком тяжелой, и у него пропало желание вставлять едкие словечки. Поразмыслив, он вынес вердикт:

— Чёрта с два я ему поверю!

Цин Шу не стал ни подтверждать, ни опровергать его слова, а просто продолжил повествование:

— Тот сундук пролежал в земле много лет. Вскоре после смерти прадедушки Цин попрос мой отец Цин. И вот в один ясный, погожий денек дедушка Цин откопал тот сундук, вынес во двор и разложил книги сушиться на солнце.

— Ну всё, пропал парень. Поди, наглотался знаний с жадностью.

Выражение лица Змея было бесценным — смесь злости и бессилия. Понимая, что дело давно прошлое и ничего уже не изменить, гигантский змей едва не задыхался от досады.

— Да, у него оказался редкий талант, — подтвердил Цин Шу. — Как только род Цин лишился богатства и сел на землю, нищета накрыла нас с головой. Прадедушка Цин был магом от бога, но крестьянином — никудышным. К тому же от барских привычек избавляться трудно: сам голодает, а придет кто за помощью — последнее отдаст. К моему отцу Цин эта беднота прилипла намертво. Он вырос нищим и до ужаса боялся снова обеднеть. — Цин Шу запнулся и посмотрел на Змея: — Называть его «отцом Цин» противно до тошноты. Хочется подобающего слова, да я даже имени его не знаю...

— Зови его просто «внучек», — отрегулировал субординацию Змей. Из-за истории с черным туманом он уже догадался о развязке и не питал к этим людям ни капли сочувствия. — Зови «внучком». По моей змеиной иерархии он тебе как раз во внуки годится.

Цин Шу так и не смог уложить в голове эту странную семейную арифметику, но откровенный выпад Змея вызвал у него искреннюю улыбку:

— Идёт. Так вот, этот «внучек» нахватался вершков и стал промышлять за деньги. Он брался за самую черную, гнусную работу. С таким промыслом ему суждено было сдохнуть лютой смертью, но, нагребя кучу денег, он не успел их потратить. Естественно, умирать ему не хотелось. Тогда он стал остервенело копить богатство и одновременно раздавать щедрые посулы, выискивая чернокнижников сильнее себя, чтобы те продлили ему век. И вот однажды на пороге появился человек, который шепнул: «Заведи ребенка, и пусть этот ребенок принимает на себя твои смертные грехи».

Цин Шу почувствовал, как кольцо на его талии начинает сжиматься, и поспешно накрыл чешуйчатый хвост ладонями:

— Все в порядке, тот ребенок выжил. — «А вот если ты еще немного поднажмешь, за мою жизнь я не поручусь...»

— Человек, благодаря чему ты выжил? — Змей мрачнел с каждой секундой.

— Из праха прадедушки Цин после кремации выплавились два шарика, похожих на священные бусины шэли. Дедушка Цин втайне повесил их мне на шею. Говорят, я должен был умереть сразу после рождения, потому что на меня навесили чужую кармическую кару. Мой дедушка Цин был странным человеком. Его бросало из крайности в край. При жизни прадедушки Цин он пикнуть не смел, потом тихонько подрабатывал гаданием, теша себя надеждой, что если отдача и придет, то через века. А когда его собственный сын сотворил такое непотребство, в дедушке Цин проснулась запоздалая совесть. Он захотел спасти меня — видать, отчаянно надеялся замолить грехи. — Цин Шу устало вздохнул: — Да только в итоге он не совершил ни единого доброго дела.

Змей мигом уловил уродливую суть:

— Что этот старый хрыч натворил потом?!

— «Кармический долг» его сыночка висел на мне, но я никак не умирал. Со временем «проценты» по этому долгу начали собирать с остальных членов семьи Цин. Сперва на них сыпались мелкие неудачи, потом пришли тяжелые болезни, несчастные случаи... Когда кто-то умер, родственники решили, что мне не место среди живых. И струсивший дедушка Цин снова приполз ко мне. Он вознамерился забрать те бусины шэли.

Цин Шу неожиданно усмехнулся. Змей недоуменно воззрился на него: человек улыбался абсолютно искренне, без тени горечи — так улыбается тот, кто чудом вырвался из пасти хищника и радуется самому факту бытия.

— Если честно, я никогда не верил в силу этих бусин. Обычный прах, запекшиеся минеральные камни после печи. Но когда дед протянул к ним руки, я просто взял и проглотил их у него на глазах. Да... мерзко звучит. Но я просто хотел жить. Тогда дед предложил сделку: если я пройду испытание, никто из семьи Цин больше меня не тронет.

Заметив, что Цин Шу пытается проскочить подробности, Змей безжалостно перебил:

— Чего этот старый ирод от тебя потребовал?!

— День полного поста, а потом — лечь в гроб, который закопают в землю. Если через сутки я останусь жив, они оставят меня в покое. — Цин Шу повернулся к Змею: — Я долго считал всё это чушью. Даже когда дед умирал в больнице и рыдал, сжимая мою руку, я не мог поверить этим людям. А когда уехал учиться в город, и вовсе решил, что деревенские просто свихнулись на почве суеверий. Но сегодня... услышав от тебя, что мне осталось недолго, я подумал: а ведь всё это вполне могло быть правдой.

В голосе Цин Шу всё еще звучала тихая радость.

Змей окончательно застыл, переводя изумленный взгляд на собеседника:

— Человек... ты что, радуешься? С ума сошел? Ты же на грани гибели...

— Есть немного... Но не из-за смерти.

Цин Шу пристально смотрел на Змея, принимая внутреннее решение. Едва ли им еще выпадет шанс встретиться во сне — сам он сны видел крайне редко, и этот случай был поистине уникальным...

Он подался вперед, намереваясь просто обнять Змея на прощание. Ему хотелось сказать, что пусть слова о «паллиативной помощи» и были шуткой, он искренне рад встрече с таким необычным созданием. Проведенные вместе дни были прекрасны.

Змей смотрел на приближающегося человека и думал: «Сколько у него церемоний... Телячьи нежности, да еще и копошится, как черепаха».

Не отличавшийся терпением Змей сгрел человека за загривок и властно прижался ледяными губами к его губам.

Цин Шу обомлел.

Перед глазами всё поплыло, а губ коснулся обжигающий холод...

Его руки, уже поднятые для объятия, так и застыли в воздухе.

<http://bllate.org/book/19679/1946716>